

Репинский «запорожец» в судьбе музыкальной культуры Петербурга

В разных областях музыкальной жизни Петербурга XIX века было немало крупных личностей, известных не только в самом городе, но и далеко за его пределами. Об их жизни, творчестве, заслугах написано много книг, более или менее полно раскрывающих все стороны деятельности.

Мне же хочется рассказать о незаслуженно забытом ныне (как это, увы, часто бывает) музыканте, фольклористе, общественном деятеле, хорошем дирижере, о человеке, в свое время широко известном — Александре Ивановиче Рубце.

Родился А.И. Рубец в городе Чугуеве Харьковской губернии в 1837 году. Его обучение началось в Киевской гимназии, которую он окончил в 1858 году, и затем продолжилось в Нежинском лицее. Далее, в 1861 году последовала служба в Черниговской Уголовной Палате. А при открытии Санкт-Петербургской консерватории он поступает в класс профессора Л. Пиччиоли (пение), затем переходит в класс теории композиции к профессору Н.И. Заремба. Окончив консерваторию в 1866 году, Александр Иванович был назначен преподавателем элементарной теории музыки и сольфеджио, а также хорового класса.

Известно, что в 1868 году по инициативе Рубца при консерватории учредили бесплатный хоровой класс для мужчин, с преподаванием теории музыки и сольфеджио. А в 1871 году — с согласия дирекции, открыли женские хоровые классы в зале Петровской женской гимназии (всего до 170 слушательниц). Кроме этого, одновременно с консерваторией Александр Иванович преподавал в Смольном (Николаевская половина), Павловском,

Елизаветинском, и Александринском институтах, в пансионе Заливкиной, а так же педагогических классах в Соляном Городке, организованных «в видах распространения в народе охоты к занятиям хорovým пением».

О последнем — это были почти бесплатные хорové классы для детей. Сохранились интересные воспоминания С. Свириденко о Рубце, связанные с его деятельностью в этих педагогических классах: «Лет 20 назад устраивались в так называемом Соляном городке, Санкт-Петербургском музее военно-учебных заведений, по два раза в неделю — классы гимнастики для детей и детского хорového пения. За ничтожную плату предоставлялось желающим пользоваться этими классами. Преподавателем пения был приглашен А.И. Рубец. Из нескольких десятков ребят, приходивших на гимнастику, около половины оставались после гимнастики на пение. На этих уроках довелось и мне принять первое посвящение в области вокального искусства. Среди нас всех, собранных в один достопамятный день для пробы голосов, и весьма смущенных этою предстоящею процедурою, самым старшим было лет по тринадцати, четырнадцати, а рядом стояли и восьми, семилетние клопы. Большинству из нас пение по нотам представлялось мудреным кунштюком (а мы все почему-то ожидали, что «учитель» сразу потребует от нас самых затруднительных маневров нашими голосами). Даже те, что дома распевали по целым дням (как это было, например, со мною) вдруг почувствовали себя совсем безголосыми при виде непривычной торжественной обстановки... Этот зал, выдвинутый на эстраду рояль, вокруг рассеявшиеся на стульях любопытные родители; а за роялем дородная, невысокая, грузная фигура с седой головой и громадными запорожскими усищами, тоже седыми как серебро. Эти усы, в свое время увековеченные Репиным, у одного из его знаменитых «Запорожцев», по первому впечатлению внушили нам немалую робость: так как они грозно настробучились, скрывая добрые, простые очертания рта... И в добавок такие же грозные брови косматились над глазами. А глаза, обреченные рано угаснуть впоследствии, тогда еще глядели зорко, светло и молодо. И как только минул страх перед незнакомым усатым преподавателем, мы разглядели, что это были за хорошие, милые, добрые глаза. На «пробе» все еще пели, в буквальном смысле, не своим голосом. А у иных робость не давала ни единому звуку выйти из горла. Помню хорошенького мальчугана в бархатной куртке, ставшего у рояля с таким несчастным лицом, точно его собирались наказывать.

— Ну, возьмите «до», сказал ему Александр Иванович. Молчание. У мальчика совсем перепуганный вид.

— Да вы не бойтесь, слушайте: вот, я даю ноту на рояле, а вы спойте: до...

Ни звука. Но лицо испытуемого как будто ободряется от ласкового голоса и славных глаз, устремленных на него.

— Ну, вот, я вижу, что вы сейчас запоете! убедительно замечает Александр Иванович: вы пойте просто: а – а – а...

— А – а – а... чуть слышно пробует тянуть малыш.

— Отлично, отлично! приветствует учитель этот робкий звук, напоминающий мяуканье новорожденного котенка, только погромче. Давайте-ка со мной вместе: а – а – а...

Мальчик решается подтягивать, и голос его звучит уже увереннее.

— Вот видите, вот и поете! ободряет Александр Иванович: теперь еще, вот так, слушайте...

Он снова ударяет клавишу, и затягивает тонким фальцетом уже другую ноту. Страх ученика постепенно проходит. Он вторит учителю все громче и громче. А последний нарочно усиливает свой голос, понемногу заставляя и мальчишку напрягать голос сильнее и незаметно перебирая всю октаву, сперва подряд, потом вразбивку. Ученику начинает нравится занятие. Он бойко и громко поет вместе с наставником, и почти точен, когда последний дружелюбно говорит ему:

— Ну, и довольно!.. и на прощанье серьезно, как большому, протягивает руку.

Почти всех нас Рубец приручил таким образом с первого же раза. Он в высшей степени обладал умением вызывать к себе, со стороны детей, доверие и симпатию <...>

Он давал нам пять легкие упражнения, и умел вносить оживление в это скучноватое — особенно для нас — занятие. Когда мы начинали «киснуть» и вяло тянули ноты. Александр Иванович останавливал хор и принимался нас передразнивать: — Разве так поют? Ведь можно подумать, что у вас всех животики болят: Аааа!... Эх!.. Ииии!.. Оооо!.. — и пародировал наше пение так комично, что мы хохотали, и, развеселившись, начинали петь бодрее. <...>

После упражнений, Рубец давал нам учить легкие детские песни из составленных им сборников. Эти детские песни — помню, все мы их любили, пели охотно, — до сих пор являются едва-ли не лучшими сборниками этого рода. Все они написаны на хорошие, простые темы народных песен — великорусских и малорусских, и подобраны очень толково. Рубец, сам малоросс, хорошо знал украинские песни и любил их: его переработки народных тем отличаются большою чуткостью к духу и складу родной музыки...

Старших и наиболее подвинувшихся вперед учеников он иногда заставлял солировать, — стоя у рояля, лицом к «публике». Если выступавший робел, Александр Иванович начинал подыгрывать тему на рояле, иногда сам тихо подпевал — тонкой, мелодичной фистулой, производившей забавное впечатление в сочетании с его грозными усищами и увесистой фигурой. <...> За особенно удачное исполнение он прочувственно благодарил юных исполнителей, пожимая руку и ласково произнося:

— Спасибо вам, голубчик вы мой, спасибо! Дай вам Бог доброго здоровья!

Исподволь, незаметно, Александр Иванович приучал нас ко многому, чему важно научиться в детстве: правильно держаться при пении, глубоко и вовремя брать дыхание и правильно экономить воздух в легких... Впоследствии, приступая к серьезным вокальным занятиям, мне не раз доводилось с благодарностью вспоминать этого первого наставника — раз и навсегда привившего мне, например, привычку выпрямлять грудь при пении и удерживать забранное дыхание.

Многим, многим ценным обязаны мы все седому наставнику, направлявшему наш первый вокальный лепет. Вряд ли помнят его одинаково хорошо все тогдашние ученики, очень уж малы были многие, и давно все это было, но кто помнит — тем, наверное хочется, как мне, сказать теперь над его могилой то, что когда-то он говорил стольким из нас: «Спасибо вам, голубчик, спасибо». (3)

Все эти теплые слова, конечно, свидетельство того, что Александр Иванович Рубец был, несомненно, талантливым, чутким, внимательным, добродушным, разносторонне образованным человеком. Его деятельность связана в основном с обучением и распространением хорового пения. Заслуженную оценку этому дал в своей статье известный современник Рубца — Г. Ларош, также радевший за развитие хорового искусства: «Меня чрезвычайно интересует развитие в петербургском обществе хорового пения

и вкуса к хоровым сочинениям, поэтому любопытство и участие мое в высшей степени возбуждены каждый раз, когда я читаю, что в каком-нибудь углу Петербурга, где прежде, быть может, раздавался только «звук унылый фортепиано», теперь начали собираться какие-то господа и петь какие-то хоры. Подобное явление в русском обществе нашей столицы — положительная новость; другое дело петербургские немцы: у тех давно существуют все возможные лидертафели. Но русский человек, казалось мне еще недавно, самую природой устроен так, что когда он себя видит в многочисленном обществе, ему гораздо скорее придет в голову составить соответственное число партий в преферанс, нежели спеть. В бурю, в грозу. Опыт последних лет убедил меня, что я не совсем точно определил природу русского человека, что ему не чуждо хоровое пение. Не так давно я говорил в «Голосе» о новом образованном Обществе хорового пения, теперь мне приходится занести в свою хронику деятельность другого общества <...> — Бесплатной школы хорового пения, основанной одним из неутомимейших между нашими музыкальными деятелями, профессором консерватории А.И. Рубцом. Господин Рубец имел редкое счастье на почве практического распространения хорового пения; под его дирижерской палочкой собралось примерно более 300 любителей (и любительниц), при помощи которых он мог дать публичный концерт в воскресенье 25 февраля в зале клуба купеческих приказчиков. Г-н Рубец — личность в Петербурге очень популярная. Зала приказничьего клуба не из маленьких, но она была почти вся полна, и хотя в ней господствовал страшный холод — выражение чувств публики было самое горячее. Каждое появление Рубца на эстраде сопровождалось долгими рукоплесканиями; вызывали его неоднократно и в довершении всего поднесли ему большую серебряную вызолоченную стопу <...> (2)

В Консерватории Рубец проработал до 1895 года, когда потеряв зрение, покинул свое педагогическое поприще и Санкт-Петербург, поселившись в Стародуб, где руководил хорами. О его неустанной деятельности в Стародубе мы можем узнать из корреспонденции в «Русском музыкальном вестнике» (№ 20): «Стародуб. Каждое лето гостит у нас профессор петербургской консерватории А.И. Рубец. В настоящее лето он ознаменовал свое пребывание постановкою отдельных сцен из оперы «Жизнь за царя» в костюмах и с декорациями. Трудно, конечно, представить, сколько забот,

энергии и любви к делу вложено для этой постановки. А.И. Рубец руководил все от самого ничтожного до самого крупного, как: примерка костюмов, письмо декораций и прохождение партий вместе с жестами; все это, взятое в отдельности и не кажется чем-нибудь выдающимся, требует много опыта и знания, которыми так искусно владеет А.И. Рубец. Третье и четвертое действия названной оперы шли 2 раза с благотворительной целью в пользу предполагаемой женской прогимназии: в сочувствии публики недостатка не было, и помимо громадного интереса увидеть оперу, всякий охотно внес свою лепту на доброе дело». Рубец даже сам исполнил партию Сабинина, составил наскоро хоры. <...> Вместо оценки его исполнения, мы посылаем ему искренне спасибо за доставленное удовольствие».

Кроме того, Александр Иванович — автор популярных сборников и теоретических книг: «Метода преподавания элементарной теории музыки и сольфеджио» (1867), сборник упражнений для одного и многих голосов (I том — 1870 г., II том — 1871 г.), ритмический сборник (1873), сборник упражнений в ключах (1874). Краткая музыкальная грамматика (1875, II изд. — 1879). Помимо этого были изданы: «60 народных песен с аккомпанементом фортепиано» (1872), «Напевы 200 малороссийских песен (1871), «Детские песни» (1876), «50 русских народных песен и сборник народных танцев — казачки» (1877). В 80-е годы напечатан «Биографический лексикон русских композиторов и музыкальных деятелей». Кроме того, Рубец — как композитор — автор романсов, хоров.

Но и перечисленное все еще не исчерпывает его заслуг в музыкальной жизни. Расскажу еще об одной: «Благодаря энергии А. Рубца, музей СПбГК приобрел интересную коллекцию народных музыкальных инструментов: Кроме наших инструментов в этой почтенной коллекции находится и музыкальные инструменты дальнего Востока. Отечественные инструменты подарены Рубцом (малороссийская лира, сопилка, кобза и другие). Оставлены также описания инструментов, их звукоряд, способ игры». Эту благодарность шлет А. Рубцу — Петухов в своей книге «Народные музыкальные инструменты музея Санкт-Петербургской консерватории». (6)

Великий художник И. Репин запечатлел (как уже упоминалось) Рубца на картине «Запорожцы пишут письмо султану» (запорожец с трубкой в центре варианта картины 1880 г.) Я думаю, что причиной тому — не только подходящая внешность Александра Ивановича, но и всеобщая популярность,

любовь и уважение к неугомонному деятелю-музыканту, несомненно заслуживающему глубокого признания.

* * *

1. *Рубец А.И.* Биографический лексикон русских композиторов и музыкальных деятелей. СПб., 1886.
2. *Ларош Г.* Концерт г-на Рубца / Избранные статьи. Вып. 4. Л., 1977.
3. *Свириденко С.* Воспоминания о Рубце. РМГ. 1913. № 22/23.
4. Разные известия. РМГ. 1912. № 13. Стлб. 8.
5. Стародуб (Черниговская губерния). Журнал «Русский музыкальный вестник». № 20. 1890.
6. *Петухов М.* Народные музыкальные инструменты музея Санкт-Петербургской консерватории». СПб., 1884.
7. Метод преподавания первоначальных музыкальных сведений и сольфеджио. Составитель А. Рубец. СПб., 1868.
8. *Петровская И.* Энциклопедия «Музыкальное образование и музыкальные общественные организации в Петербурге». Л., 1970.
9. *Прибульская Г.* Репин в Петербурге. Л., 1970.
10. «Театр и Музыка», новое время. 1913. № 13338.
11. Музыкальный энциклопедический словарь.
12. *Рубец А.* Краткая музыкальная грамматика, у А. Иогансена. 1879.